

А. Г. Тимофеев¹, А. В. Успенская²

НЕИЗВЕСТНОЕ ЛАТИНСКОЕ СОЧИНЕНИЕ М. КУЗМИНА*

¹ Издательский дом «Миръ», Российская Федерация, 199155, Санкт-Петербург, пр. КИМа, 1

² Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Российская Федерация, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

В статье представлена информация о неизвестном музыкально-поэтическом произведении М. А. Кузмина (1872–1936) «*Amor Christi*» (1896), написанном на латинском языке, и его месте и роли в жизни и творчестве этого поэта и композитора. Публикуемое сочинение извлечено из письма Кузмина к его другу и многолетнему корреспонденту Г. В. Чичерину (1872–1936), в последствии народному комиссару иностранных дел РСФСР. В исследовании использованы ранее не вводившиеся в научный оборот архивные материалы. Латинское сочинение Кузмина впервые переведено на русский язык. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: история русской литературы, текстология, источниковедение, музыковедение, латинский язык, история образования, история советской дипломатии.

AN UNKNOWN LATIN WORK BY M. KUZMIN

A. G. Timofeev¹, A. V. Uspenskaia²

¹ "The World" Publishing House, 1, KIMa pr., St. Petersburg, 199155, Russian Federation

² St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 15, ul. Fuchika, St. Petersburg, 192238, Russian Federation

Some new information on the unknown Latin musical and poetical work by M. A. Kuzmin (1872–1936) *Amor Christi* (1896) and its place and role in his life and creative writing is presented in the article. This publication is based on the study of the whole bulk of Kuzmin and his devoted friend Georgii Chicherin (1872–1936) correspondence of the 1890's and 1990's possessed by the National Library of Russia, Saint Petersburg, the Russian State Archive of Literature and Art, Moscow and the State Literary Museum, Moscow. The Latin work by Kuzmin published in the article was found in one of his letters to Chicherin, sent from Saint Petersburg to Germany in Summer 1896. The authors not only analyse and describe Kuzmin's poetic principles in *Amor Christi* but pay attention to the history of classical education in the XIXth century Russia, too. Besides, some formerly unknown archival documents on Chicherin's school studies are quoted. The Latin work by Kuzmin is translated into Russian for the first time. Refs 16.

Keywords: history of Russian literature, textology, studies of literary et al. sources, musicology, the Latin language, history of education, history of Soviet diplomacy.

Не только исследователям многоаспектного творчества М. А. Кузмина (1872–1936) — поэта, прозаика, драматурга, критика, переводчика, композитора, музыканта и исполнителя собственных сочинений, — но и довольно широкому кругу образованной публики по сей день памятна одна из самых значительных его работ советского времени — перевод романа древнеримского писателя Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел», изданный при жизни переводчика, в 1929–1933 гг., четыре раза общим тиражом 25 300 экземпляров [1]. Однако собственное латинское сочинение будущего поэта, созданное им в середине 1890-х годов, еще до вхождения в литературный мир, пока что не останавливало на себе внимание ученых. Оно извлечено из письма Кузмина к его многолетнему другу Юше (Георгию Васильевичу) Чичерину (1872–1936), который вошел в историю как первый народный комиссар иностранных дел РСФСР. Сочинение недатированное, 1896 г., было послано в Германию, где

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-04-00431).

Чичерин длительное время жил и лечился. Конверт не сохранился. Основанием приблизительной датировки служит ответ Чичерина от 4/16 июля 1896 г., в котором содержится отзыв об этом сочинении: «Дорогой Миша, я наконец устроился в Швальбахе, мой адрес: Langenschwalbach (около Wiesbaden), Erbprinz von Nassau (около Stahlbrunnen), комн<ата> № 11. Местечко не особенно симпатичное, переполненное нянюшками и маленькими детьми; лужи, означающие озера; игрушечные мостики, беседочки; все миниатюрно и добродетельно. Извини, что я тебе некоторое время не писал; прекращение наугеймовского лечения вызвало упадок. Очень благодарю тебя за твое письмо с текстом *Amor Christi* (название, действительно, не совсем удачно; но не знаю, как сделать лучше). Градация частей прекрасна; вторая особенно великолепна в своей страстности. 3-я действительно длинна, и первое соло в ней скорее мешает; гораздо сильнее было бы прямо начать с тенорового экстаза, прямо вознестись в область высшего созерцания. Тенор не утомится?» [2]. Так Чичерин ответил на рефлексии Кузмина по поводу собственного сочинения, в том числе знак вопроса, проставленный им подле названия: «Несколько несоразмерно длинна 3 часть, т<ак> что первое solo, м<ожет> б<ыть>, лучше пропустить. В общем, мне кажется, есть связь, градация и возможное разнообразие, и хоры, заключающие каждую часть, как бы суммируют их содержание вроде хоралов в «*Passion*» Баха. Короткие строки в конце (т<о> е<сть> разбитие наподобие стихов), конечно, пустяки. В некот<орых> местах это очень заметно, но не чаще и не более, чем во всякой пластической прозе (Flaubert, St. Augustin)» [3, л. 10–10об.].

Очевидно, что и Кузмин в рефлексии по поводу сочиненного им текста, и осведомленный читатель его писем наблюдают, что наибольшее влияние на стиль публикуемого сочинения оказало знакомство автора, и, видимо, к моменту написания «*Amor Christi*» весьма основательное, с трудами христианского теолога и философа, одного из отцов церкви Блаженного Августина (Aurelius Augustinus Hippoensis (354–430)), как минимум с его знаменитой «Исповедью» («*Confessiones*»). Сочетание высокого пафоса, пламенных призывов к Господу, самобичевания и самоуменьшения, фанатичной устремленности ввысь с какой-то личной, интимной, задушевной интонацией, знакомство со священными текстами в соединении с безыскусной наивностью поэтической речи («бедненький») — все это отчетливо напоминает стиль «Исповеди» Августина, а также заставляет вспомнить об увлечении Кузмина св. Франциском Ассизским и францисканскими поэтами (см. [4, с. 344–345]). Данное впечатление находит подтверждение и в письмах Кузмина 1896 г.: «Недавно я имел случай играть некот<орые> свои вещи людям весьма мало музыкальным, и они, восприняв звучность и красоту внешнюю, думали, что поняли сущность, и возымели превратнейшее понятие о моей музыке. <...> Но, б<ыть> может, кому не доступна сущность, предпочел бы не постигать и оболочки и совершенным непостижением постиг бы больше и оценил бы вернее? «*Amet non inveniendo invenire, potius quam inveniendo non invenire te*», как говорится у Св. Августина¹. Я теперь в неописуемом восторге от *Confessiones*, это гораздо жгучее и художественнее (особенно как язык) Фомы Кемп<ийского>. И глубина мыслей, и страстность мистической любви,

¹ В оригинале с ошибочной пунктуацией: «*Amet non inveniendo invenire potius, quam <...>*». Перевод: «Пусть он предпочтет лучше найти Тебя, не находя, чем, находя, не найти» (лат.). См.: August. *Confessiones*. I, 6, 10.

огромность и человечность делает это бесподобным источником» [3, л. 11]². В письме к Чичерину от 12 октября 1896 г. Кузмин сообщает: «В библиотеке я занимался итальян<ской> литературой и, между прочим, в восторге от францисканских поэтов, у Ясороне³ есть безумно страстные мистические гимны. Гимн, где каждая строка начинается “Amor, amore”, — настоящее hurlement d’amour. Сам Франциск умереннее и мягче» [3, л. 19об.]⁴.

Согласно авторскому списку музыкально-поэтических произведений Кузмина, процесс работы над «Amor Christi» длился с июня по август 1896 г. [2а]. Католическое, «латинское» направление было в середине 1890-х годов далеко не единственным в обширном музыкальном и музыкально-поэтическом творчестве формировавшегося поэта. Общая картина его литературных предпочтений для музыки выглядит так: «В 1894–1895 гг. налицо преобладание сочинений на слова западноевропейских авторов (1894: И. В. Гёте, Леконт де Лилль, А. Сильвестр, В. Гюго; 1895: В. Гюго, А. Сильвестр, А. де Мюссе, А. Франс, Леконт де Лилль, Э. Т. А. Гофман) и русских поэтов XIX столетия (1894: М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, А. Н. Майков, А. К. Толстой; 1895: М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Л. А. Мей, А. Н. Майков, Д. С. Мережковский). К 1895 г. относятся первые опыты сочинения Кузминым католической музыки. Собственные пробы сил в области русской духовной музыки («Свете тихий», «Херувимская») отмечены в апреле 1896 г. Это направление музыкального сочинительства продолжается в июне — августе («Милость мира», «Херувимская», «Тебе поем») и в октябре («Тропарь св. Михаила») того же года. Сохраняются и прежние линии музыкально-поэтического творчества (сочинения на слова П. Верлена, А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, Г. Гейне, И. В. Гете, А. А. Фета; католические “Ave Maria”, “Amor Christi”). В 1897 г. в музыкально-поэтическом творчестве М. Кузмина открывается античная тематика — оды Горация “Dianam tenerae dicite virgines...” (I, XXI) и “O Venus regina Spidi Paphique...” (I, XXX), «Гимн Антиноя», «Воскресший Адонис», «Орфический гимн». Сюиты, тематически связанные с «итальянским путешествием» (проездом через Германию) и предшествовавшей ему поездкой в Египет (1895): “Suite italienne”, “Suite romaine”, “Suite allemande”, “Suite égyptienne” — отодвигают романсы на слова А. С. Пушкина, А. А. Фета, И. В. Гёте и А. Н. Апухтина на дальний план, сократив их число до минимума» [5, с. 324–325].

Кузмину в момент сочинения “Amor Christi” неполных 24 года. Его гимназическое образование составило семь классов Санкт-Петербургской VIII классической гимназии (1884–1891) [6, с. 50]; восьмой класс Кузмин не посещал и испытание на аттестат зрелости не держал. После гимназии он учился в течение двух лет (1892–1894) в Санкт-Петербургской консерватории, но испытал «недовольство» [7, с. 151] ею и оставил учебу на фоне острого любовного романа, глубокого внутреннего кризиса и попытки самоубийства [8, с. 187–191]. Текст “Amor Christi” — свиде-

² Знакомство Кузмина с сочинением немецкого католического монаха, писателя и мистика Фомы Кемпийского (Thomas von Kempen (ок. 1380–1471)) «О подражании Христу» (“Imitatio Christi”) находит подтверждение в его письме к Г. В. Чичерину от 8 июня 1896 г. [3, л. 4об.].

³ Имеется в виду Якопоне да Тоди (Jacopone da Todi, наст. имя Jacopo dei Benedetti (1230 или 1236–1306)) — итальянский духовный поэт, монах-францисканец, автор множества мистических лауд — восхвалений Христа.

⁴ Amor, amore — любовь, любовью (лат.); hurlement d’amour — крик любви (фр.; точнее, вопление, оглашение любви; слово “hurlement” во французском языке мужского рода, однако согласование в среднем роде указывает на необходимость именно такого буквального перевода).

тельство, с одной стороны, продолжающегося духовного возрождения Кузмина, а с другой — добротного, превышающего гимназический уровень знания и чувства латинского языка. Тем не менее в “Amor Christi” отразилось в определенной степени и знакомство с творчеством изучавшихся в гимназии классических авторов, а не только любимых и чтимых Кузминым Августина и Франциска Ассизского. Возможным влиянием поэзии Овидия объясняется наличие напряженной патетики, умение автора использовать риторический арсенал свазорий и контroversий (убеждающих и опровергающих речей): вопросы и восклицания, повторы, анафоры и т. д. От Овидия, возможно, и чрезмерная рациональность, развернутая и убедительная логика построения поэтического текста, когда изящество стиля граничит с некоторой искусственностью.

Разумеется, друг автора Юша Чичерин мог оценить достоинства присланного ему текста, как никто другой. В гимназии он, как правило, выказывал блестящее знание латинского и греческого языков и античной словесности. Это отражено и в аттестате зрелости, сохранившемся в неопубликованном университетском деле Чичерина («пятерки» по обоим древним языкам, выставленные как на испытаниях 8 мая — 1 июня 1891 г., так и в педагогическом совете) (см. [9]), и в архивных протоколах письменных и устных «испытаний зрелости» в VIII гимназии по латинскому и греческому языкам 10, 11, 22, 24 мая 1891 г. («пятерки» на письменной и устной латыни и устном греческом и «четверка» на письменном греческом; на устных испытаниях держал ответ по Вергилию и «Истории» Ксенофонта) [10]. Предшествовавшие «испытаниям зрелости» «успехи» Чичерина в соответствующих «предметах гимназического курса» были отмечены исключительно «пятерками» и привели к выдаче «аттестата с золотой медалью» [11].

И в заключение скажем несколько слов об изучении древних языков в русских классических гимназиях второй половины XIX в. 19 июня 1871 г. министр просвещения Д. А. Толстой утвердил новую программу классических гимназий — отныне в университеты могли поступать только их выпускники. Преподавание латыни в первом классе составило 8 уроков в неделю; во втором — 7; в третьем и четвертом — 5; в пятом, шестом, седьмом и восьмом классах — 6 раз в неделю. Греческий начинался в третьем классе, по 5 уроков в неделю, затем по 6, а в восьмом классе — по 7 (см. [12, с. 302]). Известный историк и политический деятель П. Н. Милюков так характеризовал реформу Толстого: «Против большинства Государственного Совета и вопреки протестам общественного мнения, он провел гимназический устав 1871 г., по которому центр преподавания сосредоточивался на латинском и греческом языках (с 1-го и 3-го класса, по два часа в день), тогда как история и литература, новые языки отодвигались на второй план, а естественные науки почти вовсе исключались из программы. С естественными науками соединялось у реакционеров представление о материализме и либерализме, тогда как классицизм обеспечивал формальную гимнастику ума и политическую благонадежность. Для этой цели преподавание должно было сосредоточиваться на формальной стороне изучения языка: на грамматике и письменных упражнениях в переводах (ненавистные для учеников “экстемпоралии”») [13, с. 75–76]. Только в 1889 г. правительство решилось внести некоторые коррективы: «1) изучение греческой и латинской грамматик с упражнениями заканчиваются в VI классе; 2) курс двух старших классов посвятить исключительно

чению авторов; 3) на испытаниях зрелости письменные переводы с русского языка на древние заменить переводами с древних языков на русский» [14, с. 21].

Таким образом, 1860–1880-е годы были эпохой усиления и полного расцвета школьного классицизма, который вводился с самыми лучшими намерениями. Эта система была непродуманной, а главное — насильственно навязывалась, вследствие чего не была поддержана в обществе. Однако важно отметить, что именно «школьный классицизм» способствовал расцвету русского Серебряного века в литературе, его эпоха дала России ряд поэтов и писателей, чье творчество насыщено античностью, в их числе: Ин. Анненский, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, В. Брюсов, М. Кузмин и др.

Описанная ситуация нашла отражение и в творчестве Кузмина. Фамилия центрального героя его ранней повести «Крылья» Смуров отсылает нас к тому эпизоду романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где мальчик-однофамилец поддакивает Коле Красоткину, выслушав его мнение о вреде изучения древних языков, а учитель греческого языка Даниил Иванович⁵, вдумчивый сторонник изучения греческого языка и познания античности, открывает перед юным Ваней Смуровым непознанные миры (см. [16, с. 213–219]).

Приложение

Amor Christi (?)

I pars

C h o r u s. Qui sequitur me, non ambulat in tenebris et qui spiritum haberet, absconditum ibi manna inveniret; qui vult plene et sapide Christi verba intelligere, oportet, ut totam vitam suam illi studeat conformare.

S o l o (не тенор) (altus aut bassus). In silentio et quiete paroficat <?> anima devota; ibi invenit fluentia lacrymarum, qui bus singulis noctibus se lavat et mundet.

S o l o (bassus). Vanitas est carnis desideria sequi et illud desiderare unde post modum graviter oportet puniri. Vanitas est praesentem vitam solum attendere et quae futura sunt, non praevidere. Vanitas est diligere, quod cum omni celeritate transit et illuc non festinare, ubi sempiternum gaudium manet.

C h o r u s. Stude ergo cor tuum ab amore visibilibus abstrahere et ad invisibilia te transferre.

— · —

II pars

S o l o (soprano). Beata anima, quae Dominum in se loquentem audit et de ore eius consolationis verbum accipit. Beatae aures, quae venas divini susurri suscipiunt. Beati oculi qui exterioribus clausi, interioribus autem sunt intenti. Beati qui interna penetrant et ad capienda arcana coelestia magis ac magis se student praeparare.

C h o r u s. Beatus qui intelligit, quid sit amare Jesum et contemnere se ipsum propter Jesum. Oportet dilectum pro dilecto relinquere, quia Jesus vult solus super omnia amari. Dilectio creaturae fallax et instabilis, dilectio Jesu fidelis et perseverabilis. Illum dilige, et amicum tibi retine.

S o l o (altus). Amans volat, currit et laetatur; liber est et non tenetur. Dat omnia pro omnibus et habet omnia in omnibus, quia in uno summo super omnia quiescit ex quo omne bonum fluit et procedit. Amor vigilat et dormiens non dormitat. Fatigatus non lassatur, arctatus non coarctatur, territus

⁵ Попутно отметим, что в VIII гимназии с 1 августа 1888 г. учителем греческого языка и «классн<ым> наст<авником>» был Даниил Владиславович Ильцевич (см. [6, с. 20; 15]).

non conturbatur; sed sicut vivax flamma et ardens facula sursum erumpit secureque pertransit. Si quis amat, novit quid haec vox clamet; magnus clamor in auribus Dei est ipse ardens affectus animae, quae dicit: Deus, amor meus; tu totus meus, et ego totus tuus.

C h o r u s. Magna res est amor. Nihil dulcius est amore, nihil fortius, nihil altius, nihil lotius, nihil jucundius, nihil plenius nec melius in coelo et in terra [, quia amor ex Deo notus est, nec potest, nisi in Deo, super omnia creata quiescere]. Magna res est amor!

III pars

(S o l o (*bassus*). Benedico te, pater coelestis, pater Domini mei Jesu Christi, quia mei pauperis dignatus es recordari. O pater misericordiarum et Deus totius consolationis, gratias tibi, qui me indignum omni consolatione quandoque tua recreas consolatione. Benedico semper et glorifico cum unigenito filio tuo et spiritu sancto Paracleto in saecula saeculorum. Eia Domine Deus, amator sancte meus, cum tu veneris in cor meum, exsultabunt omnia interiora mea; tu es Gloria mea, et exsultatio cordis mei, tu spes mea et refugium meum in die tribulationis meae.) (?)

S o l o (*tenor*)
Dilata me in amore,
ut discam interiori cordis ore
degustare,
quam suave sit amare
et in amore
liquefieri et natate.
Tenear amore,
vadens supra me prae nimio⁶ fervore et stupore.
Cantem amoris canticum,
sequar te dilectum meum in altum,
deficiat in laude tua anima mea,
jubilans ex amore.
Amem te
plus quam me
nec me
nisi propter te;
et omnes in te,
qui vere amant te,
sicut jubet lex amoris lucens⁷ ex te.

C h o r u s. Haec dicit dilectus tuus: Salus tua ego sum, pax tua et vita tua. Serva te apud me, et pacem invenies. Dimitte omnia transitoria, quaere aeterna. Omnibus ergo abdicatis creatori tuo te redde placitam (sc. anima) et fidelem, et veram volens apprehendere beatitudinem.

S o l o (*tenor*)
Da mihi, dulcissime et amantissime Jesu,
in te super omniam creaturam requiescere,
super omnem gloriam et honorem,
super omnem salutem et pulchritudinem,
super omnem suavitatem et consolationem,
super omnem laetitiam et exsultationem,
super Angelos et Archangelos,

⁶ В оригинале ошибочно *nimia*.

⁷ Вместо зачеркнутого *qui lucet*.

super omnia visibilia et invisibilia
et super omne, quod tu Deus meus non es.

— · —

Quia tu, Domine Deus meus, super omnia optimus es
tu solus altissimus,
tu solus potentissimus,
tu solus sufficientissimus et plenissimus,
tu solus suavissimus et solatiosissimus,
tu solus pulcherrimus et amantissimus,
tu solus nobilissimus et gloriosissimus super omnia,
in quo cuncta bona simul et perfecte sunt et
semper fuerunt et erunt.

— · —

O mi dilectissime sponse, Jesu Christi, amator purissime, dominator universae creaturae, quis mihi dat pennas verae libertatis ad volandum et pausandum in te? Nunc autem frequenter gemo et infelicitatem meam cum dolore porto. Moveat te suspirium meum et desolatio multiplex in terra. O Jesu, spendor aeternae gloriae, solamen peregrinantis animae, apud te est os meum sine voce, et silentium meum loquitur tibi. Usquequo tardat venire Dominus meus? Veniat ad me pauperculum suum, et laetum faciat? Mittat manum suam et miserum eripiat de omni angustia. Veni, veni! quia sine tu nulla erit laeta dies aut hora, quia tu laetitia mea et sine te vacua est mensa mea. Veni, veni, o mi dilectissime sponse!

C h o r u s (vox dilecti)

Ecce adsum,
ecce ego ad te,
quia vocasti me.
Lacrymae tuae
et desiderium animae tuae,
humiliatio tua
et contritio cordis
inclinaverunt me
et adduxerunt ad te.

S o l o (tenor)

Domine, vocavi te
et desideravi frui te,
paratus omnia res puere propter te.
Tu enim prior excitasti me,
ut quaererem te.
Sis ergo benedictus, Domine,
qui fecisti hanc bonitatem cum servo tuo
secundum multitudinem misericordiae tuae.
Quid habet ultra dicere
servus tuus coram te,
nisi ut humiliet
se valde ante te
memor semper propriae
iniquitatis
et vilitatis?
Non enim est similis tui

in cunctis mirabilibus
coeli et terrae.
(v<ox> a<n<te> f<in)</p></div>
<div data-bbox="365 325 656 573" data-label="Text">
<p>C h o r u s</p>
<p>O grata et jucunda Dei servitus</p>
<p>qua homo veraciter</p>
<p>efficitur liber et sanctus.</p>
<p>O sacer status</p>
<p>religiosi famulatus,</p>
<p>qui hominem Angelis reddit aequalem,</p>
<p>Deo placabilem,</p>
<p>daemonibus terribilem</p>
<p>et cunctis fidelibus commendabilem.</p>
<p>O amplectendum</p>
<p>et semper optandum</p>
<p>servitium,</p>
<p>quo summum promeretur bonum,</p>
<p>et gaudium aequiritur</p>
<p>sin<e> fine mansurum.</p>
</div>
<div data-bbox="475 580 530 590" data-label="Text">
<p>— · —</p>
</div>
<div data-bbox="475 603 519 618" data-label="Text">
<p>Finis</p>
</div>
<div data-bbox="453 658 541 677" data-label="Section-Header">
<h2>Перевод⁹</h2>
</div>
<div data-bbox="398 687 594 705" data-label="Section-Header">
<h3>Любовь ко Христу (?)</h3>
</div>
<div data-bbox="462 711 531 727" data-label="Section-Header">
<h4>I часть</h4>
</div>
<div data-bbox="124 742 876 788" data-label="Text">
<p>Х о р. Кто следует за мной, тот не блуждает в сумерках, и кто исполнен духа, тот обретет сокрытую там манну; кто хочет полно и мудро разумеь слова Христа, тому надлежит жизнь свою для него стараться устроить.</p>
</div>
<div data-bbox="124 788 876 819" data-label="Text">
<p>С о л о <...> (альт или бас). Он умиротворяет благочестивые души в тишине и покое; там он обретает токи слез, коими только и умывается и очищается.</p>
</div>
<div data-bbox="124 818 876 850" data-label="Text">
<p>С о л о (бас). Тщета — следовать желаниям плоти и страстно желать того, из-за чего вскоре должно последовать тяжкое наказание. Тщета — обращать внимание только на то, что проис-</p>
</div>
<div data-bbox="162 872 454 889" data-label="Footnote">
<p>⁸ Вместо первоначального: Sapientia[e].</p>
</div>
<div data-bbox="162 886 540 902" data-label="Footnote">
<p>⁹ Пер. А. В. Успенской при участии А. Г. Тимофеева.</p>
</div>
<div data-bbox="124 923 152 939" data-label="Page-Footer">
<p>64</p>
</div>

ходит сейчас, и не предвидеть то, что будет. Тщета — ценить то, что погибает всеспешно, и не торопиться туда, где пребывает вечная радость.

Х о р. Итак, старайся увести сердце свое от любви к видимому и перенести себя к невидимому.

II часть

С о л о (сопрано). Блаженна душа, которая слушает Бога, говорящего с ней, и принимает слово утешения из уст его. Блаженны уши, которые воспринимают токи божественного шепота. Блаженны очи, которые закрыты для внешнего мира, но напряженно вглядываются в мир внутренний. Блаженны те, кто проникают в глубины и все больше и больше готовятся вместить в себя небесные тайны.

Х о р. Блажен, кто понимает, что такое — любить Иисуса и презирать себя подле Иисуса. Должно оставлять «приятное ради приятного», ибо Иисус хочет, чтобы его любили превыше всего. Любовь к твари обманчива и непрочна, любовь к Иисусу — верна и постоянна. Люби его и сохраняй своим другом.

С о л о (альт). Любящий летит, бежит и радуется; он свободен, и ничто его не удерживает. Он отдает всё ради всего и обладает всем во всём, ибо покоится над всем сущим в том едином высшем, от коего исходит и проистекает всякое благо. Любовь бодрствует и, даже спящая, не дремлет. Утомленная, не изнуряется, придавленная, не сжимается, утраченная, не впадает в смятение, но, словно животворный огонь и пылающий факел, рвется вверх и бесстрашно проходит сквозь <препоны>. Кто любит — знает, что возглашается любовью; великий глас к слуху Божественному есть само пылкое чувство души, которая говорит: «Боже, любовь моя, ты весь мой, а я — весь твой».

Х о р. Великая вещь — любовь. Нет ничего слаще любви, ничего сильнее, выше, приятнее, ничего полнее и лучше на земле и на небе [ибо любовь познается из Бога и не может покоиться над всем сущим, если только <она> не в Боге]. Великая вещь — любовь!

III часть

(С о л о (бас). Хвалю тебя, отец небесный, отец Господа моего Иисуса Христа, ибо ты счел достойным вспомнить обо мне, бедном. О отец состраданий и Бог всего утешения, благодарю тебя, что меня, недостойного какого бы то ни было утешения, иногда укрепляешь утешением твоим. Хвалю и прославляю <тебя> вместе с единокровным сыном твоим и Заступником духом святым во веки веков. Эйа, Господь Бог мой, любящий меня свято, когда ты видишь в сердце мое, все мое внутреннее <существо> подпрыгнет от радости; ты Слава моя и ликование моего сердца, ты надежда моя и мое прибежище в день несчастья моего.) (?)

С о л о (бас). Раскрой меня в любви, / дабы внутренними устами сердца я научился пробовать, / как сладко любить / и в любви / растекаться и плыть. / Пусть любовь удерживает меня, / выходящего из себя от слишком сильного жара и восхищения. / Пусть я буду петь песнь любви, / последую ввысь за тобой, мною избранным, / пусть душа моя исчезнет в похвале тебе, / от любви испуская радостный крик. / Пусть я буду любить тебя / больше, чем себя, / и буду любить себя / только ради тебя / и любить в тебе всех, / кто истинно любит тебя, / как повелевает закон любви, сияющий из тебя.

Х о р. Вот что говорит твой избранный: «Я спасение твое, мир твой и жизнь твоя. Сохрани себя рядом со мной — и ты обретешь мир. Отбрось все преходящее, ищи вечное. И тогда, отказавшись от всего, предай себя творцу твоему верною и угодной (т. е. душой), и желая притом постигнуть истинное блаженство».

С о л о (тенор). Дай мне, сладчайший и возлюбленный Иисусе, / успокоиться в тебе превыше всякой твари, / превыше всякой славы и почета, / превыше всякого здоровья и красоты, / превыше всякой сладости и утешения, / превыше Ангелов и Архангелов, / превыше всего видимого и невидимого, / превыше всего, чем ты, Боже мой, не являешься. // Ибо ты, Господи Боже

мой, лучший во всем сущем, / ты один высочайший, / ты один требовательнейший, / ты один достаточнейший и полнейший, / ты один сладчайший и приятнейший, / ты один красивейший и возлюбленнейший, / ты один знатнейший и славнейший всего сущего, / в коем все блага пребывают совместно и совершенно / и всегда были и будут. // О любезнейший мне жених, Иисусе Христе, чистейший любящий, властитель всего творения, — кто дает мне крылья истинной правды, чтобы лететь к тебе и в тебе успокоиться? Ныне же я часто стенаю и со скорбью переносу мое несчастье. Пусть же подвигнет меня мой вздох и повсеместное одиночество на земле. О Иисус, сияние вечной славы, утешение странствующей души, вот близ тебя безгласные уста мои, и молчание мое говорит с тобой. Доколе же медлит прийти Господь мой? Придет ли он ко мне, бедненькому своему, и сделает ли меня радостным? Пусть он протянет руку и вырвет несчастного из всякой беды. Приди, приди! ибо без тебя ни один день и час не будет приятен, потому что ты — радость моя и без тебя мой алтарь пуст. Приди, приди, о любезнейший мне жених!

Х о р (голос возлюбленного). Вот я, / вот я рядом с тобой, / ибо ты звал меня. / Слезы твои / и страстное желание души твоей, / унижение твое / и сокрушение сердца / склонили меня / и привели к тебе.

С о л о (тенор). О Господи, я позвал тебя / и страстно желал наслаждаться тобой, / в бытность служкой твоим подготовленный ко всему. / Ведь ты первый разбудил меня, / чтобы я искал тебя. / Будь же прославлен, Господи, / сотворивший это благо с рабом твоим, / следуя великому милосердию твоему. / Что сверх того может сказать / раб твой пред лицом твоим, / кроме того, что он унижает / себя весьма сильно пред тобою, / помня всегда о собственном / несовершенстве / и ничтожности? / Ведь нет никого, тебе подобного, / среди всего достойного удивления / на небе и земле. / (Г<олос> п<еред> к<онцовкой>.) / Дела твои / хороши весьма; / верны приговоры, / и твоим провидением / управляется весь мир. / Посему хвала тебе и слава, о Мудрость отца: / пусть хвалят и прославляют тебя / уста мои, / душа моя / и всякая тварь.

Х о р. О милое и приятное рабство у Бога, / чрез которое человек поистине / становится свободным и святым. / О святое состояние / благоговейного рабства, / которое делает человека равным Ангелам / и угодным Богу, / страшным для демонов / и достойным похвалы всех верных. / О рабство, / которое должно объять нас / и коего следует всегда желать, / в котором заслуживается высшее благо / и добывается радость / непреходящая.

Конец

Литература

1. Апулея Платоника из Мадавыры Золотой осел (Превращения): в 11 кн. / пер. М. Кузмина; ст. и коммент. Адр. Пиотровского. [Л.]: Academia, 1929. («Сокровища мировой литературы»); [2-е изд.] [Л.], 1930; [3-е, пересмотр. изд.]. [Л.], 1931; [21–25 тысячи] = [4 изд.]. [Л.]: Academia, 1933.
2. РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. № 430. Л. 205–205об. 2а. РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. №43. Л. 2об.
3. РНБ. Ф. 1030. Оп. 1. № 52. Л. 4об., 10–10об., 11, 19об.
4. Шмаков Г. Г. Блок и Кузмин: (новые материалы) // Блоковский сборник: [Вып.] II: Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 341–364.
5. Тимофеев А. Г. «Думы неудержимые»: неопубликованные и забытые музыкально-поэтические произведения М. Кузмина в контексте его переписки с Г. В. Чичериным // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 320–345.
6. Памятная книжка С.-Петербургской восьмой гимназии, преобразованной из V прогимназии: 1874 — XXV — 1899. СПб., 1900.
7. Михаил Кузмин. Histoire édifiante de mes commencements / публ. и коммент. С. В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: тез. и материалы конф. 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 146–155.
8. Тимофеев А. Г. Михаил Кузмин и его окружение в 1880–1890-е годы: (новые материалы к биографии) // Русская литература. 2002. № 4. С. 173–193.
9. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 28201. Л. 2.
10. ЦГИА СПб. Ф. 17. Оп. 2. № 55. Л. 84, 49–49об., 43–43об., 46–46об.
11. ЦГИА СПб. Ф. 17. Оп. 2. № 55. Л. 14, 22об.–23 (Список ученикам С.-Петербургской восьмой гимназии и посторонним лицам, желающим подвергнуться испытаниям зрелости).

12. *Алешинцев И. [А.]*. История гимназического образования в России: (XVIII и XIX век). СПб., 1912.
13. *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917): [в 2 т.]. М.: Современник, 1990. Т. 1: [1859–1907].
14. *[Белявский А. В.]*. Краткое обозрение истории гимназий в России. СПб., 1908.
15. ЦГИА СПб. Ф. 17. Оп. 2. № 20. Л. 39 (Именной список служащих в С.-Петербур<ургской> восьмой гимназии на 1 января 1890 г.).
16. *Тимофеев А. Г.* М. Кузмин в полемике с Ф. М. Достоевским и А. П. Чеховым: («Крылья») // Серебряный век в России: избр. страницы. М., 1993. С. 211–220.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

Контактная информация

Тимофеев Александр Генрихович — кандидат филологических наук, редактор; algenti@rambler.ru

Успенская Анна Викторовна — доктор филологических наук, профессор; uspenskaja@rambler.ru

Timofeev Aleksandr G. — Candidate of Philology, Editor; algenti@rambler.ru

Uspenskaia Anna V. — Doctor of Philology, Professor; uspenskaja@rambler.ru